

Оглавление

Предисловіе автора

ГЛАВА I. Основные элементы мысли

ГЛАВА II. Мысль и языкъ

ГЛАВА III. Философія Канта

ГЛАВА IV. Языкъ, какъ преграда между человекомъ и животнымъ

ГЛАВА V. Составные элементы языка

ГЛАВА VI. О происхожденіи понятій и корней

ГЛАВА VII. Корни въ санскритскомъ языке

ГЛАВА VIII. Образование словъ

ГЛАВА IX. Предложеніе и силлогизмы

ГЛАВА X. Заключение

Предисловіе (отрывок)

Эта книга была написана для меня самого и для несколькихъ друзей, съ которыми я много летъ шель по одному пути. Отъ времени до времени мы обменивались мыслями. Мы соглашались въ однихъ пунктахъ и расходились въ другихъ; и такъ какъ мы скоро дойдемъ до конца нашего путешествія, то я пожелалъ составить отчетъ о томъ, чтополучилось изъ многолетнего общего труда мысли и дружескихъ беседъ. Между моими друзьями и знакомыми, разсыпанными по Англіи, Германіи, Франціи, Италіи, Америке и Индіи, -- друзьями, ряды которыхъ недавно, къ несчастью, поредели, найдется только немного, къ сожаленію, для которыхъ эта книга можетъ имѣть некоторый интересъ. Предметы, о которыхъ въ ней трактуется, не возбуждаютъ теперь общественной симпатіи ни въ Англіи, ни на континенте. Бываетъ время для философскихъ, какъ для политическихъ и социальныхъ вопросовъ. Подобно тому, какъ счастливый государственный человекъ долженъ не спускать глазъ съ сферы практической политики, подобно тому, какъ реформаторъ долженъ управлять парусомъ, такъ чтобы воспользоваться ветромъ, дующимъ въ известномъ направленіи, такъ писатель, желающій выпустить популярную и обращающую на себя вниманіе книгу, не долженъ выбирать предмета, который уже вышелъ изъ моды и повидимому еще не скоро взойдетъ на горизонтъ.

Но не только предметы трактующіеся въ этой книге не въ моде, но также и взгляды, которые въ ней защищаются, идутъ въ разрезъ съ пассатнымъ ветромъ общественного мненія, такъ что я боюсь, что мое отважное судно, если даже и будетъ замечено, принуждено будетъ выдержать серьезную борьбу съ волнами неприязненной критики, а можетъ быть даже оно будетъ безжалостно затоплено мальштромомъ всеобщего равнодушія.

Было бы, можетъ быть, осторожнее не печатать книгу, по крайней мере въ настоящей ея формѣ, которая часто можетъ выдавать ея медленный и постепенный ростъ. Некоторые взгляды, здѣсь защищаемые, действительно -- ведутъ начало съ техъ поръ, какъ я слушалъ лекціи Лотце, Вейссе и Дробиша въ Лейпцигѣ и Шеллинга въ Берлине, когда я разсуждалъ о Веде и Веданте съ Шопенгауеромъ, а Эккартъ и Таулеръ съ Бунзенемъ. Основные принципы классификаціи языковъ были преобразованы еще въ 1854 г. въ "Письме о туранскихъ языкахъ". Некоторые части моей книги составили часть лекцій, читанныхъ въ Королевскомъ институтѣ въ 1873 году по философіи языка ("Frazzer's Magazine", May, June, July, 1873 г.); между темъ какъ другая появились въ "Contemporary

Review", February 1878, въ очерке о происхождении разума, посвященномъ книгѣ Нюаре *Der Ursprung der Sprache*. Обработывая эти давно накопившіеся материалы и стараясь соединить ихъ съ результатами последнихъ трудовъ, не всегда легко было избежать некотораго повторенія, болѣе частаго, быть можетъ, чѣмъ какое оправдывается желаніемъ заставить упорные умы принять странную и непріятную истину.

Тѣмъ не мене мы не всегда можемъ руководствоваться осторожностью, и человекъ моихъ летъ не долженъ много думать о мимолетномъ успехѣ. Я совершенно убежденъ, что взгляды, высказываемые въ этой книгѣ, представляющей результатъ долгой жизни, посвященной уединеннымъ размышленіямъ и изученію передовыхъ мыслителей всехъ народовъ, заключаютъ некоторые истины, заслуживающія быть переданными. Я верю, что со временемъ некоторые изъ нихъ признаются за хорошо обоснованныя, между тѣмъ какъ другая могутъ, въ всякомъ случаѣ, требовать своего мѣста въ томъ непрерывномъ діалектическомъ процессѣ, который своими треніемъ объ острые края предрассудки и заблужденія наконецъ приведетъ старый драгоценный камень истины къ его совершенной формѣ и собственному врожденному блеску. Я писалъ некоторые изъ своихъ книгъ какъ защитникъ и, если судить по результатамъ, -- то я защищалъ не совсемъ напрасно. Но настоящую книгу я тѣмъ не менѣе не считаю убедительной. *Dixi et salvavi animam meam* -- вотъ все, что я могу сказать.

А между тѣмъ, такъ велика родительская слабость, что я не могу не представить несколькихъ доводовъ въ пользу моего непривлекательнаго детеныша. Я всегда ценить честную критику, въ гораздо болѣе степени, чѣмъ честную похвалу. Но если моя книга подвергнется критикѣ, то я прошу, чтобы она оценивалась по ея внутреннему достоинству.

Я знаю, конечно, что система философіи проповедуемая ею, можетъ, пожалуй быть названа Номинализмомъ, и Номинолизмомъ въ своей самой крайней формѣ. Я чрезвычайно высоко ставлю Номинализмъ. Я думаю, что онъ очистилъ философскій воздухъ Европы гораздо действительнее, чѣмъ всякая другая система. Но ничто такъ не вводитъ въ заблужденіе, какъ употребленіе старыхъ названій, точно будто всякій знаетъ, что они означаютъ. Человека, знакомый съ сочиненіями Оккама никогда не вздумаетъ применить одно названіе къ его системы и моей. Въ одномъ смыслѣ моя система можетъ, безъ сомнѣнія быть названа Номинализмомъ потому, что она стремится къ определенію происхожденія и истинной сущности названій. Но это не историческое значеніе слова Номинализмъ, и результаты, къ которымъ изученіе языка привело насъ въ XIX стол., весьма различны отъ техъ, которые могли достигнуть самые глубокіе мыслители въ XI и XIV столѣтіи. Если ужъ непременно надо какъ-нибудь назвать теоріи, установленныя соединеннымъ изученіемъ языкознанія и мысли, то пусть имъ дадутъ отличающее ихъ имя, не Номинализма, а Номинизма.<...>

Об авторе

Фридрихъ Макс МЮЛЛЕРЪ (1823--1900)

В исторію языкознанія вошелъ какъ Макс Мюллер. Крупный филологъ, востоковед. Родился въ Германіи, въ г. Дессау, въ семьѣ поэта-романтика Вильгельма Мюллера. Изучалъ санскритъ, арабскій и персидскій языки въ Лейпцигскомъ университетѣ, затемъ специализировался въ санскритѣ подъ руководствомъ Франца Боппа. Въ 1846 г. М. Мюллеръ переезжаетъ въ Англію, гдѣ становится членомъ нѣсколькихъ научныхъ обществъ, а съ 1854 г. -- профессоромъ сравнительной филологіи въ Оксфордѣ. Глубокое изученіе

древнеиндийских текстов приводит М.Мюллера к исследованию восточных религий, и в 1868--1875 гг. он становится профессором сравнительной теологии Колледжа всех душ (Олл-Соулз колледжа). Мюллер считал, что исследование языков должно быть связано с исследованием культуры и религиозных воззрений народов. Будучи в ряду ведущих санскритологов своего времени, Мюллер участвовал в фундаментальном издании "Ригведы" ("Книги гимнов") - одного из древнейших памятников ведической литературы. Опубликовал "Лекции по науке о языке" (1861--1864), из которых в русском переводе вышла их первая серия, представленная в одноименной книге.